

TARTU ÜLIKOO LI
VENE KIRJANDUSE KATEEDER
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

IV
Новая серия

TARTU 2001

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ IV

ISSN 1024-3968

«И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО»: СВАДЬБА ШУТОВ В ЛЕДЯНОМ ДОМЕ КАК ФАКТ ОФИЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЕЛЕНА ПОГОСЯН

«И невозможное возможно»

[Штелин 1736]

6 февраля 1740 г. Анна Иоанновна отпраздновала свадьбу своего шута князя Михаила Алексеевича Голицына-«Квасника» и «придворной калмычки» Евдокии Ивановны Бужениновой, а после свадьбы поместила молодых на ночь в Ледяном доме.

Очевидец этой свадьбы, французский посланник маркиз де Шетарди с первой же почтой 19 февраля 1740 г. доносил своему правительству:

Только злешняя страна может доставить развлечение в таком роде, какое устроила себе царица <...> Князь Голицын, один из парней <...> подал к тому повод, пожелав, против воли царицы, вступить в неравный брак <...> С этой целью были призваны лопари, самоседы, калмыки, казаки; все они появились в маскарадных костюмах, образуя процессию более чем в 200 человек, предшествовавших или следовавших за новобрачными, заключенными в клетку, поставленную на слона. Одни ехали в телегах, запряженных волами; другие двигались в повозках, которые везли кабаны, свиньи, козы и собаки. Лопари и самоседы отличались своими одеждами из звериных шкур и санями, заложенными оленьими. Манеж герцога Курляндского был устлан досками; здесь был устроен ужин всему свадебному поезду <...> За трапезой следовал бал, на котором каждое племя танцевало особо. Затем новобрачных повезли в Ледяной дом, который был построен близ дворца <...> Новобрачные легли там и оставались до восьми часов утра <...> Царица присутствовала на ужине и на балу [Шетарди, 224–226].

Другой очевидец, В. А. Нащокин, в записях, сделанных так же вскоре после шутовской свадьбы, указывал, что для свадьбы «курьозные были сделаны сани наподобие зверей и рыб морских, а некоторые в образе птиц странных», а в шутовскую процессию, кроме «разноязычников», были, например, включены «ямщики города Твери», которые «оказывали весну разными вывистами по-птичьим» [Нащокин, 258].

Из записок генерала Манштейна (он был очевидцем свадьбы, но составил ее описание уже в начале 1750-х гг.), мы узнаем, что праздник был задуман с целью «показать, сколько различных народов» обитают в России, для чего «императрица предписала всем губернаторам выслать в Петербург по несколько инородцев обоего пола». Распорядителем этой свадьбы был кабинет-министр Артемий Волюнский, со двора которого шестые и началось [Манштейн, 158].

Автор «Замечаний» на «Записки о России» генерала Манштейна, составленных в 1770-е гг., указывает дополнительно, что идея свадьбы в Ледяном доме принадлежала камергеру А. Д. Тагищеву. В этом источнике шутовская свадьба противопоставлена традициям петровской эпохи.

Признаюсь, — пишет он, — что во всем этом деле я вижу верх сумасбродства <...> В то время, когда появились в Петербурге упомянутые глупые позорища, благодетельные лучи просвещения, отверстые Петром Великим, начинали уже согревать умы россиян [Замечания, 444].

В то же время свадьба шутов в Ледяном доме должна была живо напоминать зрителям о развлечении самого Петра I. Так, Евгений Анисимов, анализируя торжество по случаю бракосочетания самой Анны Иоанновны (31 октября 1710 г. она была выдана за герцога Курляндского Фридриха Вильгельма), замечает:

Второй день свадьбы был ознаменован потешной свадьбой любимого карлы Петра I Ефима Волкова. Примечательно, что подобная потешная свадьба была впоследствии повторена Анной в знаменитом Ледяном доме [Анисимов, 81, 105–106].

«Праздничный» контекст шутовской свадьбы 1740 г. позволяет говорить и о других «петровских» образцах для организации этого этнографического маскарада.

В начале сентября 1739 г. в результате взятия фельдмаршалом Минихом Хотина и успешных военных действий в Молдавии Россия заключила мир с Портой. Трактат о мире был опубликован в Петербурге 18 сентября [ПСЗРИ, № 7900]. В самом начале 1740 г. мирный договор был ратифицирован обеими сторонами, и состоялся обмен ратификационных актов.

Анна начинает готовиться к торжествам по случаю мира еще до того, как известие о ратификации было доставлено в Петербург. 7-го января были выделены средства для подготовки праздничного фейерверка «по случаю *объявления мира и дня рождения императрицы*» [Баранов, № 7326; здесь и далее курсив мой. — Е. П.]. День рождения императрицы прихотился на 28 января: первоначально Анна, как можно предполагать, планировала торжества на конец января.

В январе должна была состояться и шутовская свадьба. 29 ноября 1739 г. был дан именной указ «О высылке из Малороссии в Санктпетербург молодых казаков, баб и девок, кажда по шести человек, для предстоящего придворного маскарада» [Баранов, № 7265]. Анна указывала:

Приготовляется здесь при дворе нашем, для предьбудушей не которой забавной свадьбы маскарад, в который потребно из малороссийских казаков и казачьих баб и девок, которые умели бы по-казачьи танцевать <...> выбрать по шести человек, только чтобы собою негнусны были; и сделал им из казенных наших денег нарочитое платье со всеми их приборы <...> к январю месяцу [Бумаги, 558].

О том, что все к этой «забавной свадьбе» должно было быть готово к январю, свидетельствует и переписка организаторов маскарада с Академией наук о подготовке костюмов (к ней мы обратимся ниже).

Известия о ратификации, однако, Анна получила лишь 27 января (обмен ратификационными актами состоялся в Кон-

стантинополе 17 декабря 1739 г., и можно не сомневаться, что курьер сделал все, чтобы успеть с известиями ко дню рождения императрицы). В тот же день состоялся, наконец, торжественный вход в Петербург войск, участвовавших в турецкой кампании¹. После шествия императрица «последовала в галерею, где собралась все офицеры этих войск, повелела принести стакан вина и выпила за их здоровье. В то же время она повела раздать 20 тысяч рублей пехотным и кавалерийским солдатам, и сверх того каждому по серебряной медали. Каждый офицер получил по золотой медали». Вечером было объявлено о мире и палили из пушек [Шетарди, 205–206; Нащокин, 257].

День рождения Анны был отпразднован в срок, однако продолжение торжеств императрица перенесла на февраль. В связи с этим на организацию нового фейерверка, теперь уже специально посвященного миру², были выделены дополнительные средства. 11 февраля был издан указ «Об отпуске <...> 2000 рублей в канцелярию главной артиллерии на устройство фейерверка и иллюминации по случаю празднования заключения мира с Турциею» [Баранов, № 7367]. А несколько ранее, 30 января, Анна издала указ «Об устройстве в Санктпетербурге иллюминации и народного празднества по случаю заключенного с Турциею мира» [Баранов, № 7353].

Шутовская свадьба была назначена, как мы помним, на 6 февраля, а 11-го «народы» были приглашены во дворец для прощальной аудиенции, где снова танцевали перед императрицей. Шетарди, который был очевидцем этого представления, писал:

Будучи свидетелем танцев и музыки, для меня столь же новых, сколько необычайных, я не мог достаточно надивиться легкости и силе, с которою танцуют жители Украинны [Шетарди, 231].

14-го Анна принимала приветствие от имени «государственных чинов», которое поднесли князь Черкасский и фельдмаршалы Миних и Лесси, а «иностранные министры, дамы и все придворные» были допущены к целованию руки императри-

цы. Прием закончился раздачей милостей по случаю мира. После этой церемонии «два гарольда верхами, в великолепном убранстве <...> отправились в различные кварталы города, возвещая о мире; при них находились два секретаря, которые читали договор, и четыре унтер-офицера, бросавших в народ деньги» [Шетарди, 231–232]³. 15-го февраля при дворе был маскарад, который продолжался далеко полночь. 17-го Анна раздавала золотые медали иностранным министрам и придворным, а потом «пошла в апартаменты принцессы Анны, выходящие на площадь, и сама стала бросать оттуда деньги в народ». Для народа было выставлено угощение, в том числе два жаренных целиком быка и вино, «бьющее фонтаном и наполнявшее огромный бассейн». Вечером был сожжен фейерверк «столь же великолепный, как и удачно исполненный», за которым последовал бал [Шетарди, 235–237].

Торжества, таким образом, продолжались с 27 января по 17 февраля, шутовская свадьба 6 февраля и прием «народов» императрицей 11 февраля были составной частью этих торжеств по случаю заключения мира с Портой.

При Петре I маскарады «этнографической» тематики сопровождали два главных «викториальных» торжества времен Северной войны: празднование Полтавы и заключения Ништадтского мира.

Полтавскую победу Петр праздновал в Москве, торжества начались 19 декабря 1709 г. торжественным входом войск в столицу. Датский посланник Юст Юль оставил детальное описание этой процессии. Шествие открывал Семеновский полк, который сопровождал шведские знамена, пленных и трофеи, полученные в сражении при Лесной. Замыкал шествие Преображенский полк, который сопровождал «все, что было взято в битве под Полтавою»⁴. Здесь были военнопленные, «королевско-шведские придворные», канцелярия, камергер двора Карла XII и его «тайный» и «главнейший» советник. Не было только самого короля; как напоминание об этом в шествие были включены «носилки, на которых в Полтавском

бою носили» Карла XII и которые он «вынужден был поместить на коня и пуститься в бегство» [Юст Юль, 117–120]. Петр Крекшин дал еще более полный перечень лиц, захваченных при Полтаве:

Первый королевский министр <...> Королевский ближний советник <...> Рижский генерал-губернатор <...> Генерал-майоры <...> Полковников 20 <...> Подполковников 24.

Затем он сообщал о майорах, капитанах, ротмистрах, поручиках, корнетах, адъютантах, обозных, лекарях, капралах, драбантах, захваченной артиллерии. За военнопленными следовали пленные «дому королевского», среди них были камергеры, обер-штальмейстер со служителями, отдельно аптека и при ней «штаб фелд-медикус» с докторами и лекарями, королевский кабинет и при нем тайный королевский секретарь, королевская кухня и при ней кухмистры и повара [Крекшин, 75–77]. Порядок шествия, как мы видим, подчеркнул, что Карл потянул под Полтавой все, вплоть до аптеки и кухни: не только шведской армии, но и королевского двора в Швеции больше не существовало.

Две партии, составлявшие торжественную процессию, «Лесная» и «Полтавская», были разделены кортежем Самоедского короля.

В санях, — пишет Юст Юль, — на северных оленях и с самоседом на запятках. ехал француз Witeni; за ним следовало 19 самоедских саней, запряженных парой лошадей, или тремя северными оленями. На каждом санях лежало по одному самоеду. (Это названис особого народа). Они были с ног до головы облечены в шкуры северных оленей, мехом наружу; у каждого к поясу был прикреплен меховой куколь. Это низкорослый, коротконогий народ с большими головами и широкими лицами. Нетрудно заключить, какое произвoдил впечатление и какой хохот возбуждал их поезд. <...> Но без сомнения шведам было весьма больно, что в столь серьезную трагедию введена была такая смешная комедия [Юст Юль, 118].

Самоедский король, как сообщает Юст Юль, принадлежал «к хорошему французскому роду, но в отечестве своем испытал много превратностей и долгое время содержался в заключении в Бастилии, что отразилось на нем периодическим умопомешательством». Когда он попал в Россию (он был передан русскому царю польским королем), Петр поставил его «царем над (особым) народом в России — самоедами, и вместо маршалов, камергеров, камер-юнкеров и других служителей, назначил к нему придворный штат из самоедов же. Эта-то свита и сопровождала его на торжественном въезде» [Юст Юль, 118–119].

О том, как Петр впервые встретил будущего Самоедского короля, рассказывает в своей истории петровского царствования барон Гизен, очевидец происходившего.

Любопытно, — пишет он под 1707 г., — было видеть тогда на Воронеже *иведского лапонца*, одетого и вооруженного смехотворно по-лапонски и называющего себя принцем Лапонским древней фамилии Биркарленской того ради, что под тем именем видел он едва не все европейские дворы без исключения; поехав из своей свиты, был он первый из страны своей, который воспринял так великое путешествие во свете; ездил он чрез Швецию и Данию в немецкую землю, Италию, Голландию, Францию и Англию и говорил некоторыми языками; говорил он, что хотел и царского величества двор видеть прежде своего возвращения в отечество.

Однако Петру этот «шведский лапонец» показался подозрительным, «понеже был он при Шведском короле в Саксонии». Кроме того, «танцы и речи и пение его скучило», и самозванца «чрез Архангельский город назад отослали» [Гизен, 42–43]. Петр регулярно общивался с Карлом XII «посланиями» идеологического характера. К ним можно отнести, например, организацию в Петербурге шестивой и фейерверков, близких по тематике тому, что устраивали в Стокгольме³. Собираясь послать «лапонского принца» к Карлу, Петр, как можно полагать, собирався дать ему какое-либо шутовское, обидное для шведов поручение.

Однако, как показывает переписка Петра, это свое намерение о высылке Вимени Петр не исполнил. Царь вспомнил о «шведском лапонце» через месяц после Полтавской победы. 31 июля 1709 г. он пишет П. М. Апраксину:

Самоедского князя, который вам с Воронежа прислан, вели учить по-русски говорить, также и грамоте по-славянски исполволь [ПБПВ, № 3356].

Велел за тем Петр, по-видимому, потребовал Вимени к себе, но по дороге тот пропал. 12 октября 1709 г. царь писал А. Б. Голицыну:

Ежели Выменя еще не сыскали, то иезуитов в их монастыре за такой крепкий караул взять, что не давать им ни пить, ни есть ничего, пока отдадут. Також из первых бурминстров возьми за караул держа (кроме сего поста). Також для страха соломы в монастырь и в зятные дома вноси, будто хочешь и указ имеешь зажать. И ежели до субботы или недели Вымени не сыщется, то две доли лучших иезуитов и ректора, також двух бурминстров и 4-х радноров возьми за караул с собою и поезжай к нам в Мариенверден [ПБПВ, № 3457].

Царь, как можно судить по этому письму, очень дорожил «самоедским князем». Где именно Вимени был отыскан, неизвестно, но в декабре он уже был в Москве и участвовал в триумфальном шествии.

Во время шествия Вимени сопровождали настоящие самоеды. Впоследствии они содержались в Петербурге, где их посетил в 1714 г. Брауншвейгский резидент при русском дворе Ф. Х. Вебер. Самоеды, как сообщает Вебер, жили на Петровском острове. Здесь у царя было два увеселительных дома, при одном из них содержались павлины, при другом — два финна, которые присматривали за двадцатью коровами (эти коровы давали лучшее молоко в округе, сливки и масло отсюда поставляли только ко двору). Рядом с коровником было расположено жилище самоедов.

Когда мы вошли в жилище самоедов, — рассказывает Вебер, — они выползли из своих юрт и с изумлением глядели на нас. Их

было семеро, и все одинаково непривлекательной наружности <...> Всех оленей было только четыре, два старых и два молодых; остальные повыводили, и только рога и шкуры их развешаны были кругом [Вебер, 1087–1088].

От смотрителя Вебер узнал, что однажды старший из самоедов «напал на людей, приехавших осматривать остров, изгрыз им уши и лица и вообще ужасно зло и свирепо их принял», а когда его наказали, «вырвал зубами кусок собственного мяса из своей руки» [Вебер, 1089]. История смотрителя, как мы видим, подтверждала справедливость наименования этого народа.

От смотрителя же Вебер узнал о Самоедском короле, который был «никто иной, как один поляк, который ежемесячно получал по десяти рублей жалованья, вместе с готовым столом и напитками и жил постоянно в Петербурге, потому что он в то же время был устроителем разных увеселений» [Вебер, 1090]. Кроме того, Вебер сообщает, что Вимени был коронован несколько лет назад в Москве, «и ему присягали 24 самоеда, нарочно для того выписанные из их земли, вместе с таким же числом оленей» [Вебер, 1104]. Коронация Вимени, как можно полагать, состоялась осенью 1709 г., незадолго до триумфального входа войск в Москву, в котором уже участвовали и самоеды, и олени, а сам Вимени выступал в качестве короля.

Выбор для участия в триумфальном шествии именно «шведского лапонца» и — предположительно — шведского шпiona, появление интереса к нему у царя именно после Полтавы и присвоение ему титула «короля», а также включение в шествие не только военнопленных, но наряду с ними придворных и служителей (канцелярия, аптекари и медики, повара и пр.), сопровождавших лично короля в его походах, — все это позволяет предположить, что Вимени был пародийным заместителем самого Карла XII, который, вместо того, чтобы разделить участь своей армии и двора, бежал в Турцию.

Анна, как можно полагать, помнила о шествии Самоедского короля. Один из ее шести «штатных» шутов, Лакоста, по смерти Вимени получил от Петра I титул Самоедского коро-

ля [Шубинский, 6]. При дворе Анны Иоанновны Лакоста про-должал исполнять эту роль. Так, в соответствии с указом императрицы, «сто рублей, которыми осыпал Лакост во время его аудиенции самоедей», были записаны в ее собственной «расход» [Указы камер-целмейстеру, 75], а в переписке с Академией наук в связи с подготовкой к шутовской свадьбе был упомянут костюм самоедского правителя: «как ходит Лакоста» [Материалы IV, 278].

Шутовская свадьба, устроенная Анной Иоанновной 6 февраля 1740 г., как и шествие самоедов после Полтавы, имела прямое отношение к торжествам, в состав которых она была включена.

Современники объясняли выбор Голицына-«Квасника» же-нихом для этой свадьбы двояко. По одной версии, причиной было княжеское достоинство шута, что позволяло унижить весь род и — шире — всю родовую знать в целом. Шетарди, например, писал:

Таким образом напоминает время от времени вельможам зде-него государства, что ни их происхождение, ни состояние, ни чи-ны, ни награды, достойными которых признали их монархи, — никоим образом не ограждают их хотя от малейшей фантазии го-сударя [Шетарди, 227].

По другой версии, Голицын был произведен в шуты и стал объектом насмешек из-за тайного брака с католичкой, кото-рый сопровождался переходом в католицизм самого Голицы-на. Анна расторгла этот брак и нашла достойную замести-тельницу итальянке и католичке — калмычку-шутиху [Берк, 155; Шубинский, 32].

Некоторые детали шутовской свадьбы позволяют, как ка-жется, говорить и об актуальной политической тематике этого зрелища. В первую очередь на нее намекают приветственные стихи В. К. Тредиаковского, составленные поэтом специально на этот случай, хотя, как известно, и не по собственной воле:

Здравствуйте, женившись, дурак и дурка,
Еще ж...-то та и фигурка!

Теперь-то прямое время нам повеселиться,
Теперь-то всячески поезжанам должно беситься.
Квасник-дурак и Буженинова-б...

Сошлись любовью, но любовь их галка.

Ну, мордва, ну, чуваши, ну, самоеды!

Начните веселье, *молодые деды!* <...>

Свищи весна, свищи красна!

Невозможно нам иметь лучшее время:

Сопрягя ханский сын, взял ханское племя,

Ханский сын Квасник, Буженинова ханка,

Кому то не видно, кажет их осанка [Шубинский, 37].

Как мы видим, молодые названы здесь «ханский сын» и «ханка».

Первым врагом России в войне с Портой, точнее, врагом, нападения которого были наиболее чувствительны для мирного населения империи, был Крымский хан. Если мы обратимся, например, к «Санктпетербургским ведомостям» за 1738 год, вышшим военным достижением которого стало взятие Перекопа, то увидим, что главной темой сообщений, вопреки ожиданиям, оказываются не блестящие успехи русских войск, а действия против Крымского хана и охрана от него приграничных территорий.

Нападения такого рода «Ведомости» описывают в стандартных выражениях: крымцы «выходят» из-за Перекопа и, по совершении рейда, туда же («внутрь Крыма») скрываются. Так, 24 февраля 1738 г. сообщалось «О приходе хана Крымского с татарами к границам российским»: хан соединился с Крымской ордой «по выходе оной за Перекоп в степи» [Спб. ведомости от 24 февраля 1738 г., 7]. Ту же терминологию использует Лесси в своих реляциях из Перекопа. Так, он пишет о «Перекопской линии», которую «татары и турки по усмотрению моего приближения оставили, и внутрь Крыма побежали» [Лесси, 3]⁶.

Перекопские «ворота» Крыма нашли отражение и в тематике фейерверков. 28 января 1737 г. был сожжен фейерверк, посвященный дню рождения императрицы. «Театр фейерверков, — поясняло печатное «Описание», — представляет при сем в иллюминации часть Перекопской линии, которая во

время прошедшей компании взята <...> В середине видны *твердые ворота, кроме которых в Крым никакого прохода не было*, но которые ныне уже совершенно разорены». Надпись гласила «Разрушение неприятельских врат» [Ровинский, 216].

Тематика плена и освобождения от рабства русских и малороссиян (а угоняли население и продавали его в рабство именно крымцы) является центральной в документах, относящихся к заключению мира. Так, в печатном описании ратификации указывалось, что по обмену ратификационными актами российский представитель попросил передать ему замеченных им рабов-россиян, что сразу же было исполнено. «Потом приехали российских двадцать пять пленников, — сообщает реляция, — на которых зело жалостным образом и почти со слезами на глазах, что таковы злополучные плоды несогласия и неприятельства». Растрогавшись, визирь прислал еще 139 человек российских пленников «с каторжного двора зовомого баню». Узнав об этом, многие российские пленники стали осматривать своих хозяев и укрываться на дворе российского посланника («приходят ежечасно, и никто жаловаться не смеет», «некоторые из турок были при Порте, но министры отсоветовали плену не бывало») [Описание, 12, 15].

То, что Крымский хан «заперт» в Крыму и потому более не сможет брать в плен и продавать в рабство подданных Анны, было, как мы видим, актуальной темой в официальных документах, имеющих отношение к заключению мира с Портой. Это дает возможность предположить, что одной из целей шувтовской свадьбы, включенной в состав мирных торжеств, была наемка над Крымским ханом.

Если это так, то и выбор именно князя Голицына не был случайностью. Дедом «Квасника» был князь Василий Васильевич Голицын. Он возглавлял знаменитые Крымские походы 1687 и 1689 гг., которые закончились полным провалом. Эти походы были актуальным контекстом побед Миниха. Так, Манштейн указывает, что среди пушек, захваченных при взя-

тии Перекопа в 1736 г., было «несколько с русским гербом, отнятых во время несчастного похода в Крым князя Голицына» [Манштейн, 73]. О попытке князя Голицына «осадить Перекоп и проникнуть в Крым» вспоминает и Б.-Х. Миних: «многочисленная армия» Голицына была разбита татарами и лишилась большей части своих лошадей [Миних, 276].

То, что «ханский сын» Голицын вместе со своей «ханкой» во время свадебного шествия были заперты в клетку, возможно, должно было демонстрировать, что итогом заключения мира стало кардинальное изменение отношений России с Крымским ханом: если ранее он превращал россиян в невольников, теперь он сам заперт в Крыму.

Строительство Ледяного дома не было только изготовлением декорации для шутовской свадьбы и маскарада. Президент Петербургской Академии наук Георг Вольфганг Крафт составил «Подлинное и обстоятельное описание Ледяного дома», в котором строительство этого «увесилительного дома» представлено как научный эксперимент (о шутовской свадьбе он даже не упоминает).

Всегда пребывающая в Сатурне, для его безмерного от Солнца отдаления, жестокая стужа <...>, — пишет он, — над водою то же производит, что у нас посредственная стужа делает. И так ежели в Сатурне есть вода, то она так не иначе, как под образом мрамора быть может: ежели обретаются в одной планете жители, которым бы нужна велела себе дома строить, то бы они, конечно, сей водяной камень на то употребили.

Ледяной дом оказывается, таким образом, домом «какой в Сатурне быть может»⁸ [Крафт, 9].

В своем описании Крафт постоянно возвращается к теме «невозможного» в условиях Земли (или кажущегося невозможным обывателю). Именно в таком ключе представлены и «комель, в котором лежащие ледяные дрова нефтью намазанные многократно горели»; и ледяная баня, «которую несколько раз топили, и действительно в ней парились»; и ледяные пушки, которые палили («некоторые» сначала думали, «что

порох в десятиной трубе туда вкладывать», но оказалось, что можно его засыпать прямо в ледяное жерло пушки); и, наконец, ледяной слон в «надлежащей его величине» («сей слон внутри был пуст, и так хитро сделан, что днем воду <...> пускал <...> а ночью с великим удивлением всех зрителей гонящую нефть выбрасывал», «сверх того мог он как живой слон кричать, который голос потаенный в нем человек трубою производил»).

В немецкой земле, — заключает свой рассказ Крафт, — некоторые нашли, которым наибольшая часть вышепомянутого описания *невероятна и вымышлена казалась*. И *сия невероятность* час от часу больше возрасти может, чем далее в полуденные страны слух о Ледяном доме распространится [Крафт, 18–22].

Насколько можно судить по сохранившимся материалам, это же представление о «чудесах», невозможных с точки зрения европейца («невероятно и вымышлено казалось»), но вполне реальных в России, было воплощено в «этнографическом» маскараде, сопровождавшем шутовскую свадьбу.

Манштейн, как мы видели, отмечал, что маскарад был призван «показать, сколько различных народов» обитают в России [Манштейн, 158]. Подробнее на этой стороне праздника останавливается Т. В. Станюкович в книге «Кунсткамера Петербургской Академии наук».

В программу увеселений, — указывает автор, — было включено *шествие народов, населяющих Российскую империю* <...> Мысль о создании этого «природного маскарада», по всей вероятности, была порождена теми разнообразными этнографическими коллекциями, и в частности национальными костюмами, которые поступали в Кунсткамеру из Второй Камчатской экспедиции <...> В эти костюмы, переделанные без учета этнографических особенностей придворными художниками, были наряжены приехавшие «инородцы», которые и должны были составить шуточный свадебный поезд [Станюкович, 76–77].

Кто именно должен был, по замыслу строителей, участвовать в шествии, показывает переписка двора с Академией наук («дезиан» или «дезианс» академией).

Что же касается «арапов белых и черных», которые названы здесь «подданными российскими», то речь, видимо, идет об астраханских купцах, среди которых были как персы («белые» арапы), так и арабы («черные» арапы). Устроитель шествия Артемий Волынский, в прошлом астраханский губернатор, конечно же знал, что «арапов» среди подданных Анны найти можно.

Наконец, в третьем письме в Академию список необходимых для организации маскарада сведений уже определенно ориентирован на готовый сценарий. От Академии требовали срочно «хотя по собранию и описанию из книг скупштовать»:

1. Пастуха с его убором, из народов кроме России и Европы.
2. Одного осла, одного оленя.
3. Индейского, японского, могольского, китайского воинов с колем, в их приборах.
4. Фуризира одного, от тех земель которой-нибудь земли.
5. Музыкантов, с описанием их игры, от тех же народов.
6. Копейщик один, во образ воина, в самоедском платье.
7. Как ходит Лакаста, во образе самоедского владельца.
8. Самоела, одного мужскаго, а другого женскаго вида.
9. Водолаз один.
10. Тех платьев, которые взяты из той академии, о виде человеческого, как они ходят, и голов нет, — нарисовать же.
11. Бахуса, как пишется — изобразить.
12. Японцев, манзуров, мунгалцов, контошницев, киргизцев, калмык, каракалпаков и жен их по одному написать.
13. Лошака.
14. Осинского народа, которые под владением Грузии, по одному мужской и женской персоны и музыкантов их.
15. Малых детей манжуров, одетых в пестрых странных олеянях, и купидку одну плачущую.
16. Сатирку, во всем изображении.
17. Мордочков, черемис, вотяков, чюваш, ижерские, самерские бабы и мужики, по одному.
18. Из старых русских солдат и осинских народов с луками и стрелами по одному, и их копейщиков.
19. Башкирскую жену.

27 декабря 1739 г. ко двору потребовали «прислать с кем надлежит» платье, имеющееся «в де сияс академии в натуре разных народов, а именно: мордовскаго, черемисскаго, чювашскаго, вотяцкаго, тунгусскаго, лопанскаго, самоедскаго и прочих сибирских народов, и одну острабацкую лодку» [Материалы IV, 276].

Вскоре, однако, выяснилось, что имеются костюмы далеко не всех «народов», и было указано составить описание недостающих. Из этого второго письма в Академию видно, что работа над сценарием шествия уже значительно продвинулась.

Повелено здесь было, — читаем в письме, — подлинное известие учинить о *азиатских народах, подданных ее императорского величества, и о соседях, сколько оных всех есть, и которые из них самовладельные были, и как их владельны назывались, со описанием платья, в чем ходят, гербов на печатех или на других, на чем и на каких скотах ездят, и что здесь в натуре есть платья и таких гербов, и например: мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы, якуты, чапчадалы <камчадалы. — Е. П.>, отяки, мунгалы, башкиры, киргизы, лопани, кантыши, каракалпаки, арапы белые и черные, и прочие, какие есть, подданные российскойе. И четырех частей земли: Европы, Азии, Америки, Африки, генеральное их описание народа и скота, на чем ездят, герба и платья [Материалы IV, 276].*

Мы видим, что по плану в шествии должны были участвовать не все народы, населяющие Россию, и, вместе с тем, не только подданные Анны. Точнее было бы говорить об экзотических народах, как подданных Анны, так и живущих поблизости от российских границ («азиатские народы» и жители «четырёх частей земли»). Кроме того, устроители шествия интересуются названием «владельцев», то есть правителей этих народов и их государственной символикой (гербы и печати): можно полагать, что на этом этапе шествие хотели устроить по «петровскому» сценарию, то есть представить правителей экзотических народов со своими свитами. Уже приведенные материалы показывают, что шествие задумывалось не с целью показать «сколько различных народов» обитает в России.

другие маски. Так, Нашокин сообщает, что среди масок были «трое скороходов, весьма престарелые люди: Петр Павлович Шафиров, Иван Федоров сын Бутурлин, Иван Степанов сын Собакнин, офицер Семеновского полку» [Нашокин, 231]. Добавим, что все они были люди очень полные и, конечно же, «скороходами» быть никак не могли. По сведениям Берхгольца, «огромный француз царя и один из самых рослых гайдуков были одеты как *маленькие дети*, и их водили на помочах два крошечных карла, *наряженные стариками* с длинными седыми бородами» [Берхгольц, 174].

«Весьма странной» была и сама свадьба: ездили поезда цугами на медведях, на собаках, на свиньях, и ездили по большим улицам, чтоб мог весь народ видеть и веселиться смотря на курнозые уборы, и что на зверях и на скоте ездят, которые так обучены были, что весьма послушно в запряжке ходили; а подклеть молодых была в пирамиде, что <...> сделана была для торжества счастливаго взятия четырех фрегатов [Нашокин, 231].

Пирамиду

осветили свечами, а ложе молодых обложили хмелем и обставили кругом бочками, наполненными вином, пивом и водкой. В постели новобрачные в присутствии царя должны были еще раз пить водку из сосудов, имевших форму *patium genitalium* (для мужа — женского, для жены — мужского), и притом довольно больших. Затем их оставили одних; но в пирамиде были дыры, в которые можно было видеть, что делали молодые в своем опьянении [Берхгольц, 175].

То есть сам сценарий свадьбы (настоящее венчание, затем шутовской поезд, а после обеда — помещение молодых в экзотической «подклети», где разыгрывается спектакль, за которыми могут наблюдать все гости), придуманный Петром, был вполне соблюден и в аннинской свадьбе шутов.

Данью именно петровской традиции был, видимо, Бахус (у Петра он был «в тигровой шкуре и увешанный виноградными лозами») и, определенно, «сатирка». Как сообщает

20. Есть народы шитые рожи: тех изобразить же в фигурах [Материалы IV, 278].

Плачущий «кулидка» должен был, конечно же, проливать слезы по причине безобразия и преклонного возраста «молодых». Остальных упомянутых персонажей можно условно разделить на две группы. Первую составят персонажи, традиционные для такого рода зрелищ, вторую — персонажи «этнографические».

Традиционным персонажем маскарада был Бахус. Видимо, в паре с ним должен был выступать «фуриер»: если первый знаменовал неумеренные возлияния, то второй — чревоугодничество. Они намекали на те же склонности «молодых», что и пожелания в стихах Тредиаковского: «Спалось бы им да вралось, пилось бы да елось» [Шубинский, 66]. В тому же кругу персонажей можно отнести «сатирку», пастухов, экзотических воинов и музыкантов (индийских, монгольских, японских и китайских) и «малых детей манжуров».

По крайней мере, некоторые из этих персонажей появились в списке как попытка повторить наиболее удачные выдумки одного из самых знаменитых петровских маскарадов — маскарада, данного сразу по заключении Ништадского мира и сопровождавшего свадьбу Князь-папы. Петр получил сообщение о заключенном мире 3-го сентября 1721 г., а 10-го состоялась свадьба и маскарад [Походный журнал, 73–74]. Планировал ли Петр свадьбу Князь-папы как часть мирных торжеств заранее, или она случайно с ними совпала, сказать трудно, но для Анны празднование Ништадского мира, конечно же, было своего рода образцом мирного торжества вообще.

Сам факт того, что маскарад 1721 г. был во многом посвящен теме «небывалого» или «невероятного», а девиз «небывалое бывает», впервые появившись уже во время празднования «Азовского взятия», на протяжении всей Северной войны сохранял для Петра свое значение, дает возможность полагать, что свадьба Князь-папы была органичной частью мирных торжеств. Уже сама свадьба («папы», к тому же престарелого) была событием «небывалым». Но эту идею представляли и

Берхгольд, сатир в петровском маскараде 10 сентября 1721 г. был «особенно хорош и чрезвычайно натурален». Его представлял танцмейстер князя Меншикова, который поражал воображение зрителей «искусными и трудными прыжками» [Берхгольд, 173–174]. Наконец, можно осторожно предположить, что «малых детей манжуров» в «пестрых странненьких одежнях» представляли, как и в петровском маскараде, рослые гренадеры.

Остальные персонажи, упомянутые в списке, — это «народы»⁹. Арапы, китайцы, маски «в индийской одежде из черного бархата и с большими цветами на головах» участвовали в маскараде в честь Ништадского мира [Берхгольд, 171–172], но участники шествия при Анне отличались тем, что не были ряжеными — они «представляли» сами себя, причем это касалось не только подданных императрицы, которых можно было спешно доставить в Петербург по указу императрицы. Находясь там, по крайней мере, две группы «масок» — японцы и «осинцы, что под владением Грузии».

С 1733 г. два японца, потерпевших крушение у берегов Камчатки, были доставлены в Петербург и крещены. Их поселили при Академии наук, «чтоб могла от них быть со временем польза». Вместе с ними в Академию была передана инструкция: японцев было предписано не разлучать, чтобы они не забыли своего языка, передать им все книги и письма, доставленные с потерпевшего крушение корабля, и отдать к ним для обучения японскому языку «двоих из солдатских детей» [Материалы II, 76–77].

При Анне в Петербурге жили несколько представителей высшей грузинской знати. Сопровождавшие их воины (в письме в Академию они названы «осинцы») неоднократно демонстрировали перед Анной свое искусство верховой езды, метания копья и стрельбы из лука. «Санктпетербургские ведомости» от 6 июня 1730 г. сообщали, например, что императрица «увеселялась» зрелищем «на конях георгианцев», глядя на «их обыкновенные военные и прочие эскерции». «Георгианцы» при том «нензреченное свое искусство показали», особенно

«на конях при бросании копий». Не удивительно, что Анна хотела видеть среди участников шествия «осинских народов с луками и стрелами по одному, и их копейщиков».

Как и «осинцы», именно свое необыкновенное искусство должны были продемонстрировать малороссийские танцоры и тверские ямщики, которые подражали пению птиц.

Совсем в ином ключе должны были быть представлены зрителям «азиятские народы, подданные ее императорского величества, и соседи». Анна собрала в Петербурге жителей отдаленных территорий, которых ни жители столицы, ни наблюдавшие свадьбу шутов иностранцы никогда не видели, а только слышали о них фантастические рассказы. Как можно судить по заказанным рисункам, организаторы маскарада все не стремились добиться этнографической точности. Напротив, жители крайнего севера и Сибири должны были представлять не столько себя, сколько те легендарные сведения о населении Сибири, которые имелись в распоряжении европейских пейцев.

В современных шутовской свадьбе работа по географии России существовала устойчивая тенденция составлять описание жителей Сибири таким образом, чтобы показать, что известия Геродота и Плиния, рассказы о подданных «пресвитера Иоанна» в «Сказании об Индийском царстве» или сведения о «Югорской земле» в новгородских «дорожниках» XV–XVI вв. (последние были известны в Европе по сочинению Герберштейна [Герберштейн, 156–160]) не являются ошибочными, а всего лишь требуют правильного понимания. Так, В. Н. Татищев, например, писал, что некоторые из легендарных народов, описанных Геродотом, «с сибирскими жителями подобие имеют». Аримаспе, по преданию, живут близ гор, покрытых снегом, и «каждый из них имеет один глаз». Татищев находит в татарском языке слово «араме» — «жмурые, не гледит», следовательно, Геродот мог говорить о калмыках, которые имеют «малые глаза», «зжмураясь смотрят», «аримаспы или жмурясчиеся именованы». Андрофаги «от того прозваны, что людей едят». «Когда я русское имя самоедов возьму, —

рассуждает Татищев, — то оно с тем весьма согласно», возможно, они в самом деле людей «прежде ели и от того имянованы» [Татищев, 71]. Еще один легендарный народ живет за горами и шесть месяцев в году спит. «Оное разумели, чаю, — пишет Татищев, — о жестокости зимы, что за глубокою снегов через горы переходить не могли и другим видимы не были» [Татищев, 44].

В письме в Академию, как мы видели, требовалось при-слать рисунок «тех платьев, которая взяты из той академии, о виде человеческого, как они ходят, и голов нет». Речь здесь идет об одежде лапонцев: их головные уборы скрывали голову, от чего создавалось впечатление, что головы нет вовсе. Наряженные таким образом лапонцы должны иллюстрировать легенду о существовании людей, у которых «в персех очи и рот» или «люди верху рты велики» [Сказание об Индийском царстве, 396]; «совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь» [Герберштейн, 160]. В русских источниках указывалось, что эти монстры носили «на глазах же своих колпачки»; «егда же ести которой станет, тогда мясо или рыбу кусками крошит и соймут с себя колпак или шапку, да наберет в руки мяса кусков и под колпак положит и учнет плечами двигати и те куски в те поры глотает» [Бестиарий, 170]. Из «Рестра платья», которое было возвращено в Кусткамеру в апреле 1740 г., известно о возвращении и «колпака лопанскаго оленьяго, что употреблено в дело маскаратное» [Материалы IV, 367].

Другой легендарный народ, который должен был быть представлен в шествии, — «нырятьшики» (в списке — «вололаз один»). По преданию, они «кормят свои дети сырыми рыбами, и понирают в реку ту инья на 3 месяца, а инья на 4-ре месяца, ищут камня драгаго» и «женчюг» [Сказание об Индийском царстве, 398]. Показательно, что Вимени, выдавая себя за Лапонского князя, не преминул составить шутовское «Описание о всей Лапонии, так Норвежской, как Шведской и Русской». Здесь, по свидетельству Гизена, рассказывалось, в частности, «о жемчужной ловле» [Гизен, 43].

Наконец, к полуполюгендарным можно отнести «народы шитые рожи», то есть тунгусов. Сама формулировка вполне терминологична: в круг стандартных вопросов, которые в XVII в. задавались сборщикам ясака в Сибирском приказе (так называемые «распросные речи»), обязательно входили, например, такие: «Какие люди по тем рекам и тем вершинам живут и чем кормятся? <...> И каковы они в рожи, те люди ди?» [Плигузов 51]. О происхождении «шитых рож» тунгусов со слов «комиссара и фискала» каравана, только что вернувшегося в Петербург, рассказывает Вебер. Возле Иленска караван повстречал «странный народец тунгусы <...> У них существует престранный способ делать лицо красивым по их понятиям: в детстве они вышивают щеки окрашенными в черную краску нитками, всякого рода фигурами <...> вследствие чего и остаются черные точки и следы вышитых на щеках фигур» [Вебер, 1403]. То есть «шитые рожи», как оказывается из разъяснений «комиссара и фискала», были результатом табуировки. Среди костюмов, использованных в маскараде, значились «четыре кафтана тунгуских с бляхами, кольцами медными и железными; у одного два медных, один железный колкольчики, у другого десять блях медных», а также «шапка с перьями тунгуская» [Материалы IV, 368].

«Этнографические» маски, таким образом, были еще одним доказательством того, что «небывалое бывает». Они демонстрировали, что фантастические монстры, известные по легендам, на самом деле существуют.

Можно осторожно предположить, что в маскараде в честь Ништадского мира идея «небывалого», в том числе, была представлена на «этнографическом» материале. Как мы видели, в петровском маскараде участвовали карлы. Наряду с ними, здесь были и лица, которые «очень искусно представляли журавлей» [Берхгольц, 174]. Возможно, одной из тем маскарада был рассказ Геродота, где выведен народ карлов, которые «гонются за журавлями» [Плигузов, 72].

Современники, как мы видели, утверждали, что шутовская свадьба была призвана показать, какие многочисленные и эк-

«И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО»

зотические народы находились в подданстве у Анны, то есть полагали, что свадьба была посвящена и «имперской» тематике.

Маскарад Ништадского мира, который, как мы пытались показать, послужил одним из образцов для шутовской свадьбы 1740 г., также представлял тему обширности и величия Российской империи. Как известно, Петр явился на него в костюме «фризского» крестьянина. В таком же костюме была и Екатерина:

Царица <...> была одета голландскою или *фризскою* крестьянкой — в душегрейке и юбке из черного бархата, обложенных красною тафтою, в простом чепце из голландского полотна, и держала под рукою небольшую корзину [Берхгольц, 171–172].

Впервые Петр явился на маскарад во «фризском» костюме уже во время Великого посольства. В Вене в его честь был дан маскарад и предоставлено выбрать костюм из предложенного списка, где царь выбрал наряд «фрисландского крестьянина или фрисландского корабельного капитана» [Богословский, 513–514]. Несомненно, на выбор костюма повлияла любовь Петра к Голландии и недавние впечатления от посещения этой страны. Однако здесь могла присутствовать и своеобразная демонстрация.

Летом 1722 г., вскоре после интересующего нас маскарада, в Петербурге была издана «Книга историография початия имени, славы и разширения народа славянскогога». Это сочинение «Мавроурбина Архимандрита Рагузскаго» было переведено с итальянского Саввой Рагузинским. Петр с нетерпением ожидал выхода ее из печати. 18 июля 1722 г. он писал из Астрахани:

Святейший Синод. Книгу, которую переводил Савва Рагузинский о славенском народе с италианскаго языка <...> пришлое сюда, не мешкав. Буде же не готовы, велите немедленно напечатать и прислать [Гаврилов, 146].

Книга Мавроурбина была посвящена любому величии славян¹⁰, в ней специально оговаривалось, что фрисландцы являются славянским народом и строителями знаменитой «форте-

ции» Славенбурга [Мавроурбин, 6]. Разумеется, Петр не строил планов присоединения древних славянских территорий к России. Но если этот маскарад не был выражением реальных имперских претензий, то, по крайней мере, был напоминанием о прошлом величии и обширности империи, восстановлению которой Петр посвятил всю свою жизнь.

Помнили ли строители шутовского шествия 1740 г. об этой тематике маскарада Ништадского мира, сказать трудно, однако для современников шествие народов — хотя не все представленные народы были подданными Анны — казалось воплощением именно идеи обширности империи.

Ледяной дом был не только грубой шуткой императрицы. Идеология этого зрелища не была прихотливой, но оно определенно было ориентировано на петровские традиции. Культ Петра при Анне только начинает складываться (пик официальной интереса к Петру приходится на юбилейный 1732 г., к концу же царствования такой интерес в целом теряет актуальность). В этой ситуации петровское торжество воспринималось как некоторая нейтральная и единственно возможная форма придворного праздника. Воспроизводя его, Анна не стремилась к демонстрации какой-то особой позиции: она не подражает Петру и не вступает с ним в полемику, она просто следует тем формам торжества, которые стали нормой придворного быта. Для Анны это были нормы, которые она знала по собственному опыту, своего рода «обычай» (*так праздновать* — значит праздновать *обычно*). Уже в начале 1740-х гг. ситуация будет принципиально иной: ориентация на петровские традиции составит основу официальной культуры, однако реальные формы ее бытования и базовые идеологические послышки будут очень далеки от тех, которые существовали при Петре.

Однако в одном аспекте позиция Анны в отношении к придворному празднику принципиально отличалась от петровской: менее всего императрица была озабочена тем, чтобы разъяснить своим подданным смысл мирных торжеств 1740 г.,

в состав которых была включена и шутовская свадьба. Придворная культура при Анне только в очень редуцированных формах служила задачам пропаганды официальной идеологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Штаб- и обер-офицеры, — сообщает В. А. Нащокин, — так как были на войне, шли с ружьем, с примкнутыми штыками; шарфы имели подпоясаны; у шляп сверх бантов за поля были заткнуты кукарды лаврового листа, чего ради было прислано из дворца довольно <...> ибо в древние времена римляне с победы входили в Рим с лавровыми венцами». Солдатам лаврового листа не хватало — их украшали «кукарды <...> из ельника связанные, чтобы зелень была» [Нащокин, 256].

² Фейерверк 28 января «представлял сидящую на своей колеснице денницу, перед которою Россия в женскому образе кланяется», надпись гласила: «Коллкое возвещает нам благополучие». Фейерверк, таким образом, только намекал на заключенный мир и благополучие, которое должно ему восследовать. 17 февраля, когда праздновалось заключение мира, был «представлен орел, состоящий из трех отделений; в левом представлен орел, уничтожающий громами злобу; вверху налпись “силою оружия сокрушено”. В средине сидит Минерва; над нею надпись “безопасность империи возвращена”. В правом отделении стоит богиня с рогами изобилия и с атрибутами наук и торговли; над ней надпись: “мир восстановлен”» [Ровинский, 222–223].

³ Отметим, что именно так происходило объявление и о Ништадском мире 1721 г.

⁴ При подготовке шествия Петр заботился о том, чтобы шведская армия была представлена в должном порядке, то есть чтобы зрители видели, что вся армия Карла попала в плен. По словам Юста Юля, царь «велел призвать нескольких шведских офицеров, чтобы расположить и расставить знамена и штандарты по порядку и старшинству полков, которым они принадлежали» [Юст Юль, 116].

⁵ Юст Юль, например, замечает, что еще в начале войны, «когда шведам случилось брать в плен русских, отнимать у них знамена, штандарты, литавры <...> они всякий раз спешили торжественно нести трофеи и вести пленных в Стокгольм, но этим шведы пода-

ли его царскому величеству повод действовать так же и относительно их самих». К рассказу о фейерверке в честь Полтавы он добавляет, что идея этого фейерверка «была заимствована царем из рисунка одной серебряной медали, выбитой по распоряжению шведского короля <...> На ней представлен лев и два увенчанных короною столба; один из них лев схватил лапою и переломил пополам, при чем корона с него упала; второй столб он схватил лапою и сильно наклонил». Столбы с коронами представляли Польшу и Россию. В полтавском фейерверке лев проделывал все, что было изображено на медали, но был наказан орлом, «разлетелся на куски и исчез», а столбы распрямились [Юст Юль, 116–117].

⁶ Отметим полутно, что в 1738 г. Лесси взял Перекоп 29 июня: «29 числа, то есть в день *Святых Апостол Петра и Павла* <...> неприятель <...> о сдаче той крепости письменное предложение учинил, в самой полдне» [Лесси, 1, 3]. Для Миниха эта дата так же не была нейтральной — он не смог добиться определенных успехов к этому дню, но нашел возможность связать с ним свои действия. В «Копии с реляции генерала фельдмаршала графа фон Миниха от 1 июля о счастливой от Бога оружию ЕИВ дарованной над турками и татарами победе при реке Кодиме в 30 день прошедшего июня» читаем: «29 июня, в день *праздника святых первоверховных Апостол Петра и Павла*, армия от того места, где Буг переправлялась, в поход выступила».

⁷ «Трактат между Российским и Турецким двором» в числе прочего гласит: «Татарам и другим народам никаких набегов и неприятств да не творят, и никому убытка и урона да не наносят, но жестоко воздержаны да будут от своевольств и нападений <...> ни на села и городки, ни на жителей, и генерально, противу и на границе Всероссийской империи <...> нападения и неприятельств да не чинят, и в полон да не берут, и скота да не отгоняют» [ПСЗРИ, № 7900].

⁸ Возведение Ледяного дома, однако, было начато по указанию императрицы и именно в то время, когда она начинает строить планы мирных торжеств. «Первое о строении сего дому похвалы достойное предложение, — пишет Крафт, — учинил господин Алексей Данилович Татищев нынешний камергер <...> а высочайшее на то соизволение и потребное к сему достопамятному строению немалое иждивение происходило от <...> государыни Анны Иоанновны. <...> По принятии сего намерения в последних

Станюкович: *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.: Л., 1953.

Татищев: *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950.

Указы камер-целмейстеру: Указы камер-целмейстеру о расходах из комнатной суммы // Русская старина. Путеводитель по XVIII веку. М.: СПб., 1996. С. 73–76.

Шетарди: <Донесения французских посланников при русском дворе>. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 86.

Штелин: <Штелин Я.> Ода, которою преславною победу великой государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы все-российской оружием над крымскими татарами при Перекопе 20 мая 1736 года полученную, прославляла санктпетербургская Академия наук. СПб., 1736.

Шубинский: Придворные шуты и шутовские свадьбы в царствование Петра Великого и Анны Иоанновны // Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1869. С. 1–39.

Юст Юль: Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1900.

ПУШКИН И ЕВРОПЕЙСКОЕ МЫШЛЕНИЕ (Книга А. Токвиля «О демократии в Америке»)

ЛАРИСА ВОЛЬПЕРТ

Проблема «Пушкин и европейское мышление» — часть общей, необозримо широкой проблемы: Восток и Запад, Азия и Европа, место России в этом единстве-противостоянии. Россия не только по географическому расположению, но и по статусу жизни, мировосприятию, менталитету была чем-то средним, промежуточным между Западом и Востоком, Европой и Азией. Азиатское в ней большей частью преобладало, но и европейское, начиная с Петра, ощущалось довольно отчетливо. Европа оказывала значительное воздействие на Россию — в основном, плодотворное, иногда — ущербное. Россия старалась равняться на Европу, одновременно испытывая к ней и влечение, и недоверие.

Сложный комплекс перечисленных взаимосвязей включает и проблему Петра, и вопрос о воздействии на Россию европейской мысли XVIII в., французских просветителей, и 1812 год, и 1814 год (особенно важный — приобщение русской армии к европейской жизни, знакомство с идеями европейского либерализма, оказавшими влияние на русское общество от будущих декабристов до царя). Александр I в Париже 1814 г. проходит «курс либерализма» в салоне М-м де Сталь:

Это было весьма забавным зрелищем в грустный 1814 г. наблюдать, как самодержец всея Руси в компании дочери Неккера и узника Олуомеца <Лафайета. — Л. В.> обсуждает права человека и смысл свободы¹.

Сочетание факторов (биографических, социальных, культурно-исторических) определило своеобразие *европеизма* Пушкина раннего периода. «Французские пристрастия» семьи Пушкиных были много выше примитивной галломании полу-